

А.Л. Рябинин

ИВ РАН

**Вьетнамская хроника «Дай Нам тхык люк»
о «государствах “воды” и “огня”»**

Во втором году «эры» под девизом правления Минь Мень («Блестательный Указ») – новой эры, объявленной молодым императором Нгуеном Тхань То, а точнее – в 4 месяце (по лунному календарю) 1821 г., – к границам провинции Фуиен, расположенной в южной части Центрального Вьетнама, прибыло посольство [5, т. 5, с. 230], которое вьетнамские власти давно ждали. Послы представились в качестве представителей традиционно изъявлявшего свою «вассальную» верность правителя «государства воды», и это никого не удивило. Как местные, так и столичные чиновники помнили, что в 3 месяце 1803 г. в Фуиен также приезжали послы – это случилось сразу после победы южан-зядиньцев над тайшонами, окончательного объединения Вьетнама в границах, близких к современным, и создания империи Нгуенов. Однако эти послы являлись представителями не только правителя «государства воды», но и правителя «государства огня» [5, т. 3, с. 122]. Реакция основателя новой династии, первого императора из рода Нгуенов – Тхе То – на прибывшее в 1803 г. посольство была благожелательной: перед отправкой на родину «послов» одарили парчовым платьем и браслетом из слоновой кости [5, т. 3, с. 122]. Император уже давно знал о существовании по крайней мере одного из этих «государств»: в разгар гражданской войны конца XVIII – начала XIX вв., в 1794 г., почти сразу же после того, как войска ещё не Тхе То, а в то время всего лишь претендента на трон южновьетнамского княжества Дангчаунг – Нгуен Фук Аня – захватили Фуиен, в горные районы этой провинции приехали посланцы от правителя «государства воды», который извещал о «вступлении на трон», предлагал властям Дангчаунга считать его своим вассалом и просил «предоставить милости» [5, т. 2, с. 197]. Последняя формула предполагала наделение посланцев далёкого горского правителя подарками. Нгуен

© Рябинин А.Л., 2010

Фук Ань благосклонно отнёсся к просьбе правителя «государства воды», заявив: «Поскольку они подчиняются нам, разве нам для них чего-нибудь жалко?». В результате в «государство воды» были посланы два парчовых платья и гонги, сделанные из латуни [5, т. 2, с. 197].

По-видимому, в суматохе гражданской войны администрация южан не придавала большого значения нюансам взаимоотношений с «горными варварами». Во всяком случае, никто из приближённых Нгуен Фук Аня не обратил внимания на то, что прибывшее в 1794 году к Фуиену посольство представляло только правителя «государства воды». А ведь в мирные времена – до 1771 года, когда началось восстание тайшонов, – у Дангчаунга были налажены связи с правителями как «государства воды», так и «государства огня»: ещё в 10 месяце 1751 г. в Дангчаунге первый раз появилось посольство, действовавшее от имени как правителя «государства воды», так и правителя «государства огня» [5, т. 1, с. 214]¹. Тогда об этих «государствах» было получены сведения, которые впоследствии составители и редакторы «Дай Нам тхык люк» (ДНТЛ) включили в эту хронику в следующем виде: «государства правителей «воды» и «огня» располагаются над (букв.: «сверху», «выше». – *А.Р.*) государством Намбан (Намфан), образовавшемся после разгрома императором Ле Тхань Тонгом в 1471 г. Чампы. В государстве Намбан (или Намфан), земли которого располагались к западу от горы Тхатъби, правил род потомков чамских королей. Государства «воды» и «огня» состоят из пяти десятков разрозненных деревушек. Посередине находится высокая гора Банам (ср. Бапном – древнее название Камбоджи, ср. упоминавшееся выше название «государства» «Намбан»/«Намфан» – это Ба(н)нам в обратном прочтении. – *А.Р.*), правитель государства воды находится к востоку от этой горы, а правитель государства огня – к западу от этой горы. В период раннего государства (Дангчаунга, 1558–1777. – *А.Р.*) вследствие расположения этих двух государств на границе с вьетнамской провинцией Фуиен (на самом деле два «правителя» обитали довольно далеко от проживания вьетнамцев. – *А.Р.*), раз в пять лет (вьетнамские власти. – *А.Р.*) посылали людей в эти государства для вручения подарков: платьев из шёлковой парчи, шляп, медной утвари, железных котелков и сковородок, посуды из фарфора. Правители двух этих стран принимали подарки и сразу же готовили в качестве выражения почтения местные предметы: киннамон, пчелиный воск, олени рога (панты), медвежью желчь, слонов-самцов (скорее всего, имеются в виду бивни слонов-самцов. – *А.Р.*). К настоящему времени (т.е., в 1751 г. – *А.Р.*) прислали послов для принесения дани. Тюа (военный правитель. – *А.Р.*) щедро одарил прибывших послов, после чего отправил домой» [5, т. 1, с. 214].

Таким образом, и в последний период княжества Дангчаунг (1558–1802), и ко времени правления Нгуен Тхе То (1802–1819) и Нгуен Тхань То (1819–1840) в представлении вьетнамских властей империи Дай Нам имелась довольно давно и чётко сложившаяся картина:

- 1) этнического происхождения правителей «государства Намбан»;
- 2) территориального расположения «государств» «воды» и «огня»;
- 3) организации политических структур «государств» зяраев.

Правителей «государства» Намбан вьетнамцы считали потомками разгромленных в конце XV в. Ле Тхань Тоном чамов. По-видимому, с потомками чамских королей вьетнамцы связывали также и правителей «государств» «воды» и «огня», что недалеко от истины, ибо и зярай и чамы говорили на языках индонезийской ветви малайско-полинезийской языковой семьи. Относительно взаимного расположения «государств» «воды» и «огня» у вьетнамцев существовало ложное представление: «правитель государства воды находится к востоку от этой горы (Банам. – *A.P.*), а правитель государства огня – к западу от этой горы», в то время как, если верить А. Метру, «король огня именовался также „королём востока“ или „королём верховий“, а король воды – „королём запада“ или „королём низовий“ (8, с. 433). Эти наименования отражают тот факт, что король огня имел резиденцию у джараев – в верховьях притоков Срепока, а король воды располагался ниже по течению (и западнее) – среди народа *бих* (подразделение джараев)» (3, с. 74–75). И, наконец, в политическом отношении вьетнамские власти рассматривали этнические образования зяраев в качестве уже сложившихся «государств», а не аморфных «племен». Правда, их описание этих «государств», которые «состоят из пяти десятков разрозненных деревушек», явно противоречит понятию государства в терминах современной политологии и даже политической антропологии.

Как бы там ни было, но к 4 месяцу 1821 г. – времени прибытия послов «государства воды» к границам Вьетнама в начале правления Нгуен Тхань То, – вьетнамские власти уже достаточно определённо представляли себе (вне зависимости от того, правдивым или ложным было их представление), с кем имели дело.

Послы привезли с собой как те вещи, которые вьетнамцы давали им ранее, например, гонги из латуни (напомним, что такие гонги были по приказу Нгуен Фук Аня предоставлены послам «государства воды» в 1794 г.), так и традиционные предметы дани, например, пчелиный воск (см. [5, т. 5, с. 230; т. 2, с. 197]). Это должно было, с одной стороны, подтвердить давние связи Вьетнама с зяраями, с другой стороны, заверить вьетнамского императора в том, что зярай и в дальнейшем будут приносить традиционную дань империи Дай Нам. Прибыв в пограничный горный форт Фьюкшон, послы просили дать им разрешение на проезд для принесения дани. Нгуен Тхань То похвалил послов за «настойчивое желание» [5, т. 5, с. 230] проявить чувство вассальной верности и дал разрешение на проезд в столицу. Однако, в Хюэ послы так и не попали и, соответственно, ритуальной дани от «государства воды» Нгуен Тхань То в 1821 г. не получили. Составители и редакторы ДНТЛ объясняют это тем, что «в этом государстве была смута» [5, т. 5, с. 230]. По-видимому, в связи с огромным количеством проблем, требующих быстрого разрешения в начале его царствования, вьетнамские власти не проявили особого интереса ни к подробному выяснению ситуации в «государстве воды», ни к причинам отсутствия послов от «государства огня».

Ситуация кардинально изменилась в конце 20-х годов XIX в. К этому времени Нгуен Тхань То уже провёл экономическую, социальную и политическую контрреформу в Центре и на Севере страны, после чего

счёл возможным активно вмешаться в противостояние с Сиамом. В 1828 г. Сиам захватил государство Вьетъян, после чего Вьетнам стал готовить аннексию княжества Чаннинь. В связи с этим вьетнамское правительство стало искать союзников среди мелких приграничных княжеств и провело тщательную разведку в районах, расположенных между зоной проживания вьетнамцев, лаосцев и кхмеров. Поэтому в 1829 г., вдруг заметив долгое отсутствие «посольства» от «правителя воды» – прошло уже восемь лет с момента появления послов «государства воды» у имперских границ, – вьетнамский император дал приказ местным чиновникам провинции Фуиен послать людей для сбора разведывательных сведений, чёткого определения и фиксации границы, установления местонахождения гор и рек, описания административного порядка, а также обычаев и нравов народа правителя «государства воды». Обо всём этом следовало составить доклад императору (см. [5; 9, с. 212]).

Повинуясь императорскому приказу, Нгуен Фьюк Куиен, младший офицер (*чыонг дой*) форта Фьюкшон в провинции Фуиен, отправился на поиски страны «правителя воды» и через шесть дней пути до неё дошел. Там ему удалось выяснить, что «правителя» этой «страны», пославшего в 1821 г. посольство во Вьетнам, которое тогда добралось, как уже отмечалось до форта Фьюкшон в Фуиене, звали Мо Ат. Он действительно просил Хюэ признать себя вассалом Вьетнама и «приносить» традиционную дань. Однако Мо Ат умер и дани «принесено» не было. В 1823 г. место умершего Мо Ата занял его младший брат – Ма Мо. Он, якобы, отправил «посольство» во Вьетнам, но до границ вьетнамской империи оно в силу каких-то причин не дошло. Затем умер Ма Мо и снова «дела не вышло». Наследовавший ему Ма Лам, тоже младший брат, много раз, по его словам, хотел просить вьетнамские власти «завязать сношения», но «некого было включить в состав посольства». Когда же Ма Лам увидел вьетнамского офицера, он, по сообщению составителей и редакторов ДНГЛ, «очень обрадовался, доложил о ситуации, и немедленно поручил двум своим подчинённым – Ма Зиену и Ма Суану – везти вместе с Куиеном местные предметы (1 бивень слона), чтобы просить (вьетнамские власти. – *А.Р.*) установить официальные отношения и разрешить уплату дани» [5, т. 9, с. 213].

Нгуен Ван Куиен вместе с послами доехал до Фуиена и провинциальные чиновники доложили императору о своём визите к правителю «государства воды». Нгуен Тхань То приказал одарить послов серебром, шёлком и одеждой. Было поручено передать главе «государства» по одной штуке разноцветного и красного шёлка, а также 20 штук «южного шёлка» (местного вьетнамского производства); послам Ма Зиену и Ма Суану подарили шёлковые платки, одежду из крепа и придворную парадную одежду – по одному комплекту каждому, а также по 10 лангов² серебра.

«Обласкав» послов и «повелев вернуться», вьетнамские власти на прощание поинтересовались: «Государство воды и государство огня – это одна страна или две страны?». На это послы неожиданно сообщили, что их страна – «государство огня», глава их государства называется «огненным правителем» (*хоа выонг*), а о «государстве воды» они никогда не слыша-

ли; название же «государство воды» произошло потому, что предыдущие полы неправильно перевели название своей страны [5, т. 9, 213–214.].

Это оказалось для вьетнамцев полной неожиданностью. Ведь они считали, что в 1821 г. к ним приехало посольство «государства воды» и потому в 1829 они отправили Нгуен Ван Куиена тоже в «государство» воды. А теперь выяснилось, что их посланник побывал не в «государстве воды», а в «государстве огня», и всё это время вьетнамские власти имели дела совсем не с теми, к кому направляли своих официальных представителей. Однако проверить полученную от «послов» информацию вьетнамские власти в тот момент либо не могли, либо просто не удосужились. Потому без всяких повторных проверок полученные в 1829 г. от прибывших «варварских» послов сведения о «государстве огня» были включены в официальную хронику династии Нгуенов: «Границы государства огня следующие: на востоке граничит с варварскими племенами Фуиена, на западе граничит с Лаосом, на севере граничит с варварскими поселениями (*тхуоками*) Кюиньона (Биньдиня); эта страна не знает письменности, когда нужно что-либо сообщить, то берут крючки из меди и передают их, сообщая таким образом известия. Налоги вносят либо материей, либо мечами, установленное налогообложение отсутствует. Место, где они живут, не имеет стен и рвов, лошадей и слонов – тоже мало. В центре расположен дом на сваях, глава государства сидит на возвышении из бамбука, одет в жёлтую одежду, всю расшитую цветами, на голове его платок из шёлковой ткани зелёного (синего) цвета, носит штаны из белой материи; с левой стороны (от центрального дома на сваях. – *А.Р.*) – два дома на сваях, наполненные неочищенным и очищенным рисом, хлопком, пряжей, с правой стороны (от центрального дома на сваях. – *А.Р.*) – дом на сваях, где молятся духам. Когда глава государства живёт обычной жизнью, поручает исполнять обязанности, используя лишь родственников; не имеет солдат и стражи; когда в стране происходят какие-либо события (т.е. война. – *А.Р.*), то собирают крестьян и превращают их в солдат, которые несут мечи, а на плечах у них луки; когда же нет дел (т.е. войны. – *А.Р.*), то распускают [вооружённый народ] по полям и деревням. При управлении страной не имеется законов и [не применяется] наказаний. Когда какое-нибудь варварское поселение (*тхуок ман*) нарушает приказ, то глава государства накликает на него эпидемию или пожар, что очень часто сбывается, поэтому варвары боятся его как духа; когда у людей есть мясо и водка, и они преподносят их главе государства, то руки их извиваются, а ноги пляшут, исполняя обряд поклонения правителю. Нравы и обычаи: верят в духов, когда заболевают, то могут лишь молиться и всё. Характер вспыльчивый, хорошо стреляют из лука, народу много, а риса мало, обрабатывают горные поля, сажают батат и кукурузу, хлопок – для изготовления тканей, тыквы – для обмена с торговцами» [5, т. 10, 307–308].

Следует отметить, что полученные от послов «государства огня» сведения о его локализации вообще не упоминали о близком расположении «государства воды». Более того, эти послы пытались внушить вьетнамцам мысль о том, что «государства воды» вообще не существует. Длитель-

ное отсутствие посольства с данью правитель «государства» пытался объяснить многими причинами. Во-первых, частой сменой правителей. При этом вьетнамцев не могло не удивить то, что власть передавалась не от отца к сыну, а от старшего брата к младшему. Это, с точки зрения вьетнамцев, свидетельствовало о «варварском» характере этого «государства». Во-вторых, в 1823 г. такое посольство, якобы, было отправлено, но до границ Вьетнама не дошло. В-третьих, уже «правившему» в тот момент Ма Ламу «некого было включить в состав посольства».

По-видимому, всё это были отговорки. В растущей напряжённости взаимоотношений между Сиамом и Вьетнамом, а особенно, в период захвата этими государствами Вьентьяна и Чанниня, мелкие протогосударственные образования, вождества и чифдомы просто боялись чётко определить свою внешнеполитическую ориентацию. Поэтому только появление вьетнамского офицера в самом «государстве огня» (или «воды») заставило его правителя направить посольство во Вьетнам с изъявлением вассальной верности и принесением ритуальной дани. Вьетнам же в конце 20-х – нач. 30-х гг. XIX в. был очень заинтересован в налаживании прочных связей с зряями. Поэтому несмотря на «варварский», с точки зрения вьетнамцев, уровень развития в «государстве огня» (отсутствие письменности, постоянного и чётко установленного налогообложения, укрепленных поселений, кавалерии и элевантерии, постоянной армии, законов и сводов наказаний, квалифицированной медицинской помощи; упрощенность власти, носившей примитивно-теократический характер, слабое развитие земледелия и общая бедность) вьетнамские власти довольно высоко определили «политический вес» этой страны среди прочих государств-данников. Поэтому когда в 6 месяце 1831 г. «государство огня» вновь прислало посла с «данью» в виде пары бивней слона и одного рога носорога, то «одарены» эти послы были значительно более щедро, чем ранее: наряду с шёлком и платьем им было предоставлено золото, чего ранее не было. Впредь «государство огня» следовало «снабжать (подарками. – *А.Р.*), принимать во время пиршества, одаривать и награждать в несколько меньшей степени», чем Камбоджу и Луангпхабаг, но в большей, чем довольно значительные «варварские» княжества Лакхоан и Мукдахан». Начиная с 1834 г. послы этого государства должны были «приезжать с данью» раз в три года [5, т. 19, с. 287]. Это являлось свидетельством повышения статуса «государства огня» в иерархии вьетнамских вассалов-данников.

В 8 месяце 1837 г. провинциальные чиновники Фуиена сообщили императору о том, что в «государстве огня» умер «правитель» по имени Винь Фу и в соответствии с местными обычаями люди этой страны совместно возвели на престол в качестве главы «государства» его племянника по имени Лиет. Об этом сообщили прибывшие в Фуиен послы правителя «государства огня». Император был поражён. Во-первых, ни о каком «правителе» «государства огня» по имени Винь Фу вьетнамские власти вообще не слышали. Им было известно о том, что с середины 20-х годов XIX в. в этом «государстве» правит Ма Лам, о смерти которого вассалы-данники должны были уведомлять своего сюзерена. Но этого сделано не было. Во-вторых, император официально высказал удивление

тем, что в «государстве огня» короля выбирают всем народом, а вместо сына наследником становится племянник (как выяснилось впоследствии, по женской линии. – *А.Р.*). Всё это Нгуен Тхань То «списал» на обычаи варваров, что и высказал в своём обращении к Ведомству обрядов: «Эта страна расположена на удалённом участке нашей границы, обычаи и нравы там грубые, не знают ритуалов во взаимоотношениях между государствами, глава государства взошёл на престол как племенной вождь варваров, и хотя с давних времён эта страна занесена в списки (данников. – *А.Р.*) как государство во главе с правителем – *вьонгом*, это – лишь благодаря нашим безграничным милостям; однако, поскольку им ещё не была в соответствии с правилами определена земля во владение, то на две церемонии – объявление жертвоприношений и наделение инвестигурой – они не должны были присылать своих послов – нечего им там было делать. Однако, теперь (послы. – *А.Р.*) этого государства в этом году прибыли для того, чтобы исполнить обряд поднесения ритуальной дани, повелеваем им в 10 месяце этого года прибыть в столицу; подождём, пока послы этого государства придут в столицу и тогда издадим распоряжение относительно дальнейших действий» [5, т. 19, с. 287].

Послы приехали в Хюэ не в 10 месяце, а в 11 месяце 1837 г. Однако неожиданно для всех оказалось, что это были послы не «государства огня», которых ждали вьетнамские власти, а послы «государства воды» – «государства», в существовании которого зяраи пытались всеми средствами разубедить Хюэ. Приехав в столицу с данью, послы официально совершили все положенные ритуальные обряды и преподнесли дары императору. Нгуен Тхань То лично принял послов в парадном дворце Кантянь, разрешив им совершить церемонию засвидетельствования глубочайшего почтения [5, т. 19, с. 287].

Почему же в Хюэ сделали вид, что не обратили внимание на то, что объявившие себя за три месяца до того представители правителя «государства огня» по приезде в столицу неожиданно оказались послами правителя «государства воды»? Почему вьетнамцы не попытались разобраться в создавшейся путанице? Почему они допустили послов-узурпаторов в святая святых – парадный дворец Кантянь? По-видимому, император решил не устраивать скандала, ибо этого не допускал ритуал. Скорее всего, послы вошли в императорский дворец как представители ожидаемого правителя «государства огня», и уже только во время или после окончания всех торжественных церемоний объявили, что они прибыли из «государства воды». Вьетнамские же власти не осмелились нарушить торжественного императорского приёма и либо выгнать послов, либо на месте начать выяснять «кто есть кто». Они просто сделали вид, что «не расслышали» утверждения послов об их «государственной» принадлежности, и по-прежнему, в соответствии с императорским указом от 8 месяца 1837 г., принимают послов «государства огня». Иное было невозможно. Императорский приказ не мог быть нарушен. Поэтому Нгуен Тхань То даже не поинтересовался, почему теперь «государство», представляемое послами, называется «государством воды», а не «государством огня». Вместо этого император приказал Ведомству обрядов разрешить «только что вступившему на трон правите-

лю этого государства», титулуемому *куок выонг* (кит. – *го ван*), наследовать фамилию Винь и носить имя Лиет. Император также распорядился предоставить главе государства императорский указ, санкционирующий его официальное признание со стороны вьетнамских властей. Когда торжественные церемонии закончились, послам приказали вернуться на родину [5, т. 19, с. 307].

Настаивая на том, что они принимали правителя «государства огня», верховные власти в Хюэ в том же 11 месяце 1837 г. в связи с празднованием дня рождения императора «пожаловали цветным шёлком правителя государства огня: двумя штукаами узорчатой китайской парчи, двумя штукаами атласа голубого и красного цвета, двумя штукаами шёлка голубого и красного цвета, 20 штукаами цветного крепа» [5, т. 19, с. 327]. Правителю же «государства воды» никаких подарков послано не было – вьетнамские власти ещё раз продемонстрировали, что в их представлении такого «государства» просто не существовало.

Наконец, в начале 40-х гг. XIX в. связи с чрезвычайной напряжённостью ситуации в Камбодже настала настоятельная необходимость прояснить ситуацию с «государствами» зяраев. Поводом к этому явилось поступившее в 4 месяце 1840 года от военачальника Чьонг Минь Зянга, главнокомандующего войсками в Камбодже, захваченной вьетнамцами в 1834 г. и превращённой в округ Чантай, следующее сообщение: «опираясь на сведения, полученные из *фу* (округ на занятой вьетнамскими войсками камбоджийской территории. – *А.Р.*) Шонгинь, докладываю: глава варваров (*ман чьонг*) государства воды по имени Тиет в сопровождении двух людей верхом на двух слонах прибыл на варварскую территорию Фунон – место, граничащее с уездом Шонбок (уезд на захваченной вьетнамскими войсками камбоджийской территории. – *А.Р.*), и послал своего человека к начальнику уезда по имени Лиет сказать, что хочет нанести визит. Расспросили Лиета и он сказал: до настоящего времени этот глава варваров признавал Фиен выонга (вассальный король – вьетнамское название кхмерского короля. – *А.Р.*), приезжал каждые три года [ко двору кхмерского короля] и Фиен выонг в ответ на его визит давал ему кое-какое имущество. И в этот раз он приехал только лишь потому, что хочет попросить имущество, у него нет никаких других намерений. Но я (речь переходит от начальника уезда Лиета к военачальнику Чьонг Минь Зянгу. – *А.Р.*) полагаю: сношения с иностранными государствами имеют строгие установления и запреты, к тому же он – колдун, не следует подпускать его близко. В конце концов я (Чьонг Минь Зянг. – *А.Р.*) распорядился отказать ему в приёме, заявив следующее: эта вассальная территория (захваченная вьетнамскими войсками территория Камбоджи. – *А.Р.*) в настоящее время принадлежит императорскому правительству (т.е., Вьетнаму. – *А.Р.*), все места этой территории надёжно защищены чиновниками и солдатами. Если, основываясь на том, что [глава варваров и камбоджийский король] давно знали друг друга, разрешить ему (главе варваров. – *А.Р.*) являться с визитом (в данном случае – к королеве Камбоджи Анг Мей. – *А.Р.*), боюсь, что когда всё это станет известно [императорскому правительству], то [из Хюэ] по-

следует наказание; [поэтому следует] отправить их (главу варваров и его свиту. – *А.Р.*) обратно, не нужно разрешать оставаться (на занятой вьетнамскими войсками территории Камбоджи. – *А.Р.*)» [5, т. 22, с. 115].

Итак, военачальник Чьонг Минь Зянг, главнокомандующий вьетнамскими войсками в оккупированной и фактически присоединённой к империи Дай Нам королевстве Камбоджа очень опасался контактов правителя «государства воды» с кхмерской королевой. И это несмотря на уверения кхмерского начальника уезда по имени Лиет вьетнамских властей в Камбодже в том, что правитель «государства воды» «приехал только лишь потому, что хочет попросить имущество (у камбоджийской королевы. – *А.Р.*), у него нет никаких других намерений».

Чего же боялся Чьонг Минь Зянг? По-видимому, он боялся того, что связь, существовавшая у камбоджийского короля с правителями зярайских «государств», могла способствовать укреплению антивьетнамского движения в Камбодже. Ведь «государства» зяраев на севере Камбоджи – юге Лаоса, расположенные в непроходимых джунглях, могли стать мощными дополнительными базами патриотической борьбы кхмеров, разворачивающейся под главенством Анг Дуонга, брата покойного камбоджийского короля Анг Тяна, против вьетнамской оккупации.

Чтобы оценить степень обоснованности опасений вьетнамского главнокомандующего, необходимо выяснить характер этих связей и определить степень их устойчивости.

Эти связи были действительно прочными и давними. Если во Вьетнам посольства зярайских «государств» отправлялись от случая к случаю, то к камбоджийскому двору они посылались, как свидетельствовал кхмерский начальник уезда по имени Лиет, «каждые три года», получая за это «кое-какое имущество» (см. выше). Ещё по указу кхмерского короля Сорьопора (Баром Реачеа IV) от 1601 г. об основании монастыря в Самбоке, расположенного на северо-востоке Камбоджи, правителю Самбока предписывалось от имени короля Камбоджи передавать подарки правителям «государства огня» и «государства воды». В указе от 1601 г. подробно перечислялось множество ценных вещей, посылаемых правителям зяраев. Среди этих вещей особую значимость имели хлопчатобумажные и шелковые ткани, в которые заворачивались Прах Кхан (священный меч), принадлежащий правителю «государства огня», и Прах Ромпонг (священный стебель индийского тростника – ротанга) – собственность правителя «государства воды». Кроме того, камбоджийский король посылал правителям зяраев атрибуты их власти: красный паланкин для езды на слонах, королевские зонты и т.п. [7; 26]. В одном из вариантов указа Сорьопора от 1601 г. король Камбоджи утверждал в должности правителей зяраев и именовал их племянниками. «В этом варианте указа король Камбоджи обращается к королям джараев (правильнее – зяраев. – *А.Р.*) как к равным, называя их суверенами страны джараев, раде и мнонгов, просит позаботиться об охране лесов и дорог от проникновения врагов Камбоджи. Мейер справедливо подчёркивает наличие не только сакральных функций у короля

огня и воды, но и военно-политических, при этом взаимные дары вовсе не выглядят ни с чьей стороны данью» [10, с. 18, 20–21].

Однако, сакральные функции правителей «государства воды» и «государства огня» играли, конечно же, доминирующую роль, причём не только в их собственных владениях, но и в религиозных церемониях, организуемых в самой Камбодже. «По прибытии в столицу Камбоджи, дары правителей «государства огня» передавались тотчас в руки *баку* (брахманов королевского двора), основная задача которых состояла в охране священного меча древних королей Камбоджи – палладиума государства. Из воска (полученного в качестве даров от правителей зяраев. – *А.Р.*) они делали свечи на алтари, а во время войны, наводнений или эпидемий бросали на землю зёрна риса и конопля (также полученных от зяраев. – *А.Р.*) для успокоения гнева злых духов» [11, с. 286].

Дары правителей «государства воды» и «государства огня» использовались и на церемонии в столице во время моления о дожде духам-хранителям местностей. «Обрядом руководили брахманы-*баку*. Он был посвящён духу-хранителю столицы Пномпеня. Вместе с ним вызывали многочисленных духов полей, лесов, рек и дорог, духов провинций, городов и деревень Камбоджи. После молитв *баку* орошали водой рога носорогов и бивни слонов, полученные от королей джараев. Затем четыре участника церемонии, священники с титулом «махачей», имитировали крики лягушек и жаб» [12, с. 237–238].

Сакральным считалось и само место, на котором происходил обмен дарами между королём Камбоджи и правителями «государств» «воды» и «огня». «В указе 1601 г. этот район назван «*срок* (административное подразделение) Айонапач». Мейер расшифровывает его как санскритское *аунарага* – «укреплённое место» [10, с. 21]. «Там в двух километрах к северо-востоку от г. Самбока и был основан монастырь Самбок. Место, на котором был основан монастырь, называлось Твар Прах Нокор – «двери королевства». Обмен дарами производился на холме, который считался обиталищем духа священного меча. Этот же дух считался покровителем короля огня и короля воды». «На холме был расположен загон для слонов, куда прибывали на слонах короли джараев и где совершался обмен дарами... население Самбока чтит загон для слонов, организуя раз в два года церемонию в честь духа. Ежегодно там производилась более скромная церемония в память о встрече посланников Камбоджи с королями огня и воды» [12, с. 237–238].

Совершенно очевидно, что приезд в 1840 г. «главы варваров (*ман чыонг*) государства воды по имени Тиет в сопровождении двух людей верхом на двух слонах, прибывшего на варварскую территорию Фунон – место, граничащее с уездом Шонбок» (см. выше) являлся традиционным визитом в только что упомянутый «загон для слонов, куда прибывали на слонах короли джараев и где совершался обмен дарами».

Таким образом, давние и прочные связи правителей «государств» «воды» и «огня» носили сакрально-ритуальный характер, а не являлись военно-политическим союзом. Конечно, такие связи при определённых условиях могли перерасти и в военную поддержку патриотическому дви-

жению в Камбодже. Но пока на камбоджийском троне сидела формально признававшая вьетнамское военное присутствие королева Анг Мей, относительно направленного к правителю Камбоджи, то есть – именно к ней, визита «главы варваров (*ман чьонг*) государства воды по имени Тиет», особенно беспокоиться не стоило.

По-видимому, это понял Нгуен Тхань То. Поэтому когда содержание доклада Чьонг Минь Зянга стало известно престарелому, доживающему последний год своей жизни императору, тот, хотя и опасался поддержки набирающему силы патриотическому антивьетнамскому сопротивлению в Камбодже как изнутри, так и из заграницы, всё-таки решил допустить «главу варваров (*ман чьонг*) государства воды по имени Тиет» на пограничную территорию Камбоджи для того, чтобы, во-первых, устранить путаницу с «государством» огня и «государством» воды, во-вторых – получить более точную информацию о военном, политическом и культурном уровне развития «государств» зяраев.

В связи с этим император указал: «Я с детства неоднократно слышал названия двух стран – государство огня и государство воды, но лишь [по-слы] государства огня приезжали с данью, а от государства воды – не было никаких известий. А сейчас он (правитель государства воды. – *А.Р.*) сам приехал на дальнюю границу. Ничего не бойтесь (обращение к Чьонг Минь Зянгу. – *А.Р.*), в соответствии с необходимым, успокойте и обласкайте, проявите чувства любви и уважения. Кроме того, воспользовавшись удобным случаем, доподлинно расспросите, да так, чтобы стали ясны обычаи и нравы в далекой стороне. В тот день, когда это указ достигнет места (пребывания вьетнамских властей в Камбодже. – *А.Р.*), в том случае, если тот глава варваров всё ещё будет находиться на границе уезда Шонбок, следует немедленно препроводить его в провинциальный административный центр, где радушно принять и угостить, расспросить всё от начала и до конца об этих варварах с прошлых времён и до настоящего времени: в каких местах собирались и где жили, с какими местностями граничили; там, где они жили, каково было расположение гор и рек, были ли у них стены и рвы, солдаты и крестьяне, можно ли назвать [их место обитания] государством или же они живут лишь в пещерах и горах, похожи ли они на кхмеров и лаосцев?». Наконец, каковы нравы и обычаи этого народа, различают ли они государя и подданных, вышестоящих и нижестоящих? Расспросите по каждому пункту, чтобы всё было чётко и ясно, и только потом разрешите им уехать. Если же они уже уехали, то следует немедленно приказать Лиету (начальнику кхмерского уезда. – *А.Р.*) дать ответы на все вопросы, а также спросить, его (то есть главы государства воды Тиета. – *А.Р.*) колдовство – это что за колдовство; расспросите, а затем всё чётко изложите в докладе на имя императора» [5, т. 22, с. 115–116].

Таким образом, перед вьетнамским военным командованием в Камбодже императором была поставлена задача собрать достаточно полный объём информации о двух зярайских «государствах». И сделать это предполагалось прежде всего при помощи расспросов самого «главы варваров (*ман чьонг*) государства воды по имени Тиет».

Однако, когда императорский приказ достиг покорённой Камбоджи, глава «государства воды» уже покинул её границы. Во исполнение указаний Нгуен Тхань То, военачальник Чыонг Минь Зянг сначала задал поставленные императором вопросы начальнику камбоджийского уезда Лиету, а затем подверг допросу двух местных племенных вождей по имени Мат и Ке. Полученные сведения он сопоставил, и, поскольку информация из этих двух источников явно не совпадала, а проверить её достоверность возможности не было, то Чыонг Минь Зянг решил довести до ведома императора все полученные данные в рамках двух точек зрения.

Сведения, полученные от начальника камбоджийского уезда Лиета были более лаконичны, чем те данные, которые предоставили племенные вожди Мат и Ке.

«Лиет сказал: в прошлые годы я ходил торговать в государство воды, путь от уезда Шонбок до того места, где обитает глава этого государства, приблизительно шесть дней, расположено оно (место обитания главы государства воды. – *А.Р.*) в двух днях пути от места обитания главы государства огня. Земля этого государства [воды] на востоке граничит с государством огня; на западе граничит с варварами Фумон, затем граничит с уездами Шонфу, Шонбок, Куэлам; на юге и севере – граничит с племенами варваров, [территория обитания которых] неизвестно где заканчивается. Хотя в этой местности много гор и ущелий, но все они низкие и маленькие, нет ни больших горных вершин, ни огромных горных проходов. В селении (*шок*), где обитает глава государства [воды], народ живёт приблизительно в 100 домах, в том месте, где находится дом главы государства, не построено никаких укреплений. Рабов и слуг – приблизительно 20 человек. Выжигают деревья на земле, покрытой густой [растительностью], затем сажают рис, которым и питаются, так же, как и все крестьяне в селении (*шоке*). Крестьяне почитают главу государства [воды] в связи с тем, что, как рассказывают, от прежних поколений ему оставлен стебель индийского тростника (ротанга), которому поклоняются как священному предмету; глава государства сделал недалеко от своего дома храм для молений (повидимому, именно там находится стебель индийского тростника. – *А.Р.*), если [люди в этом храме] о чём-либо помолются с подношениями, то всё сразу же сбывается; никогда не слышал о том, чтобы были такие странные способы [молений]. Если кто-либо заболит, то тут же несут дары и просят главу государства молиться с подношениями, если ничего не получается, то в течение целого года к главе государства совсем никто не ходит... Когда глава государства приезжает с какую-нибудь деревушку и требует имущество, то крестьяне дают ему лишь малые предметы, нет постоянных правил снабжения [главы государства]. В обычные дни они (глава государства и крестьяне. – *А.Р.*) общаются между собой как население Камбоджи и Лаоса, не различая положения правителя и подданного (имеется в виду отсутствие в Камбодже и Лаосе не «правителя» и «подданных» вообще, что невероятно, а реализации чётких конфуцианских представлений о взаимоотношениях правителя и подданного. – *А.Р.*)» [5, т. 22, с. 118–119].

Сообщение Лиета отвечало на многие поставленные императором вопросы. Во-первых, из него явствовало, что «государство воды» и «государство огня» – это два разных ранних политических образования, первое из которых расположено к западу от второго, что полностью соответствовало действительности. Во-вторых, что было очень важно для вьетнамских властей, проходы в горные обители зяраев были вполне доступны, так как хотя в «этой местности много гор и ущелий, но все они низкие и маленькие, нет ни больших горных вершин, ни огромных горных проходов» (см. выше). В-третьих, население зярайских «государств» занималось подсечно-огневым земледелием, выращивая рис, по-видимому, богарным способом. Наконец, в-четвёртых, тип власти и государственности в «государстве воды», который описывает Лиет, мы можем определить как первичное протогосударство, вожжество или чифдом, с ярко выраженными сакральными, жреческими и магическими функциями у его вождя. Неукреплённая стенами «столица», насчитывавшая около сотни домов, мало чем отличалась от других зярайских деревень. Регулярное налогообложение отсутствовало, имело место лишь полюдьё, да и то – в его самой примитивной форме. Занятия немногочисленных «рабов и слуг» вождя фактически ничем не отличались от жизни простых крестьян. Основой власти вождя «государства воды» было обладание «стеблем индийского тростника (ротанга)», хранившегося в специальном храме и имевшего, по мнению местного населения, ярко выраженные магические свойства, например, исцеление от болезней. Стеблю ротанга придавалось столь большое магическое значение, что это даже удивило начальника камбоджийского пограничного уезда Лиета, знакомого с жизнью малых народов. Отношение к ротангу было значительно более почтительным, чем к вождю, которого в случае неэффективности его магических функций население в течение года попросту игнорировало. С другой стороны, желая противопоставить конфуцианский идеал взаимоотношений правителя и подданного «варварскому», начальник уезда Лиет уподобил подобные отношения в «государстве воды» тем, которые существовали у кхмеров и лаосцев, чем явно зависил уровень социально-политического развития зярайских вожеств.

Сведения начальника камбоджийского уезда значительно дополнялись сообщениями двух племенных вождей – Мата и Ке. Местные вожди Мат и Ке говорят, что они слышали, что хотя две эти страны («государство огня» и «государство воды». – *А.Р.*) маленькие, но духи их обладают большей чудодейственной силой, чем [духи] Камбоджи. В прошлые годы вассальный *вьонг* (зависимый от Вьетнама кхмерский правитель. – *А.Р.*) приказывал этим двум людям (Мату и Ке. – *А.Р.*), взяв с собой различные предметы (дары. – *А.Р.*), идти и просить духов этих стран («государства огня» и «государства воды». – *А.Р.*) о помощи. В тот раз они двинулись от уезда Шонбок в восточном направлении, нашли дорогу и пошли по ней, через 15 дней они дошли до того места, где жил глава (*куок чьонг*) государства воды. Это государство на востоке граничит с государством огня, на западе граничит с уездом Шонбок, на юге граничит с варварами (*ман*) Зиендиен, на севере граничит с Лайман. Место, где обитает глава этого государства, с трёх сторон – горы, с одной стороны – долина, в которой находятся 100 крестьян-

ских домов. Глава государства живёт в соломенном доме из семи отсеков, в восточной стороне живут простые крестьяне [этого района], стен и рвов не создано. В доме сделан ярус, где совершается поклонение духу, имеется всего лишь 14–15 домочадцев и рабов.

Место, где находится глава государства огня, расположено в трёх днях пути от государства воды. Что же касается соломенного дома и домочадцев, рабов и крестьян, то всё это было в общем похоже на то, что было в государстве воды, только лишь был сделан отдельный храм, где существовало место поклонения духу; земля везде была ровная и широкая, не было рек и гор, которые препятствовали [доступу в это место].

Как только эти люди [Мат и Ке] пришли, в двух государствах приняли предметы дарения и два главы государств собрали несколько десятков человек своего варварского населения, разрезали мясо буйвола, стали от имени вассального *выонга* (кхмерского правителя) совершать жертвоприношения и молить духа, не разрешили им [Мату и Ке] увидеть [ритуал жертвоприношения]. Когда жертвоприношение закончилось, дали этим людям [Мату и Ке] мясо буйвола, каждому – по миске, говоря: если не съедите, то заболите. Водку смешивают с чистой водой, наполняют сосуд, берут бамбуковую трубочку и, всасывая, через неё пьют. В этих государствах («воды» и «огня». – *А.Р.*) нет чиновников-управленцев, не имеется солдат, уголовных законов, у людей нет письменности, когда дают в долг или берут займы, то в качестве отметки [совершённой сделки] завязывают верёвочные узелки. Условия их жизни таковы: вырубают деревья, переворачивают землю и производят посадки (подсечное земледелие. – *А.Р.*), нет ни вспашки, ни бороньбы, круглый год не платят никаких налогов и не вносят податей. Глава государства также ничего не требует. Когда глава государства едет в ближние места, то его сопровождают всего лишь 3–4 человека, когда едет в дальние места – всё равно его сопровождают не более 10 человек, которые едут на трёх слонах, в шляпах из листьев, покрывающих головы, однако нет ни больших зонтов, ни балдахинов. По обычаям этой страны, когда юноша и девушка приходятся по сердцу друг другу, то юноша приносит бетель и водку в дом девушки, приглашает местных жителей собраться, таким образом устанавливается вступление в брак. Обычно [новобрачные] уходят и живут отдельно редко, а живут в качестве зятьёв (т.е. матрилокально. – *А.Р.*) часто. Когда человек умирает, то не делается ни внутреннего, ни внешнего гроба, лишь оставляют [тело] лежать на ровном ложе, с прощальным визитом приходят родственники, плачут, каждый человек берёт маленькую горсть риса и всовывает её в рот [покойнику], набивает до полна, затем человек, приходящий следующим, пальцем вытаскивает старый рис [из рта покойника], а потом кладёт новый рис внутрь [рта]. По истечении полных трёх дней переносят ложе с положенным на него трупом умершего в выкопанную могилу и закапывают, после того как, насыпают могильный холм и совершают жертвоприношения, расходятся. Дети и внуки, родственники покойника, носят обычную одежду, лишь в течение трёх месяцев отпускают косматые волосы. В годовщину смерти приносят [жертвенные] предметы и совершают жертвоприношения на могиле. Из музыкальных инструментов используют пять больших и малень-

ких гонгов, цимбалы, барабан – все эти музыкальные инструменты употребляются как во время весёлого празднества, так и на траурном пиру.

Эти люди (Мат и Ке. – *А.Р.*) слышали, что в государстве воды имеются два камня (возможно: камни-менгиры. – *А.Р.*), один стебель индийского тростника (ротанга), в государстве огня имеется один короткий меч; они (местные жители. – *А.Р.*) считают их чрезвычайно священными предметами, долгое время передают друг другу [из поколения в поколение], до какой степени они обладают чудесным действием – не известно, но никогда не разрешают посторонним людям смотреть на них. Когда кто-либо заболевает, то берут небольшие подношения, молятся, совершают жертвоприношения [камням, индийскому тростнику и мечу], и болезни проходят. Все считают их (камни, индийский тростник и меч. – *А.Р.*) священными. Всякий раз, когда глава *шока* (селения. – *А.Р.*) собственной персоной приходит [к людям], они все падают ниц, низко кланяются, стгибаются до земли, не осмеливаются смотреть прямо на него, поскольку в соответствии с народными обычаями очень уважают духов [этих колдунов].

Кроме того, [Мат и Ке] также слышали, что главы этих государств [огня и воды] никогда не видят друг друга. Они (местные жители. – *А.Р.*) говорят: если они (правители «государств» «воды» и «огня». – *А.Р.*) попадутся на глаза друг другу, то один из них умрёт. Когда глава государства становится старым, то передаёт трон внуку или племяннику со стороны матери, но никогда не передаёт трон сыну, они (местные жители. – *А.Р.*) говорят, что если передать трон сыну, то не будет удачи. Когда эти люди (Мат и Ке. – *А.Р.*) возвращались, то два главы государств («огня» и «воды». – *А.Р.*) послали вместе с ними вассальному *выонгу* (зависимому от Вьетнама камбоджийскому правителю. – *А.Р.*) по две ёмкости очищенного клейкого риса и кунжута, две лепёшки пчелиного воска» [5, т. 22, с. 118].

Эти «дары» правителя «государства воды» и правителя «государства огня» должны были использоваться камбоджийским королём следующим образом: «Прежде всего берут огонь и растапливают восковую лепёшку; нажимая рукой, вытягивают вверх (в виде воскового столбика. – *А.Р.*); говорят, что если бывает большая буря, сильный ливень, великая засуха, либо же случится война или эпидемия болезни, то берут этот воск и делают две лампы, молят правителя воды и правителя огня о помощи, затем берут по одной пригоршне риса и одной пригоршне кунжута и разбрасывают, и тогда всё, о чем просили, сбывается» [5, т. 22, с. 118].

Кроме того, «правитель государства огня» и «правитель государства воды» прислали вассальному *выонгу* (зависимому от Вьетнама кхмерскому правителю. – *А.Р.*) одного заключённого-раба, одни бивни слона, один рог носорога – в качестве ответных даров [5, т. 22, с. 118].

Посещение Матом и Ке «государства» правителя воды существенно обогатило представление вьетнамцев о зярайских вожествах. Прежде всего, подтвердилось взаимное расположение этих протогосударств: «государство воды» находилось к западу от «государства огня». Однако, путь у начальника уезда Лиета и у племенных вождей Мата и Ке от одного и того же уезда Шонбок до «государства воды» занял существенно разное время: если первый дошёл всего за 6 дней, то последним потребовалась половина

лунного месяца – 15 дней. Возможно, правда, что либо они шли из совершенно различных частей уезда Шонбок, либо у Лиета было какое-либо транспортное средство, резко уменьшающее время пути, например, лошадь. А может быть, кто-то из информаторов, руководствуясь неизвестными нам соображениями, преувеличивал или преуменьшал это время. Значительно менее отличалось, с точки зрения начальника уезда и племенных вождей, расстояние от «государства воды» до «государства огня». Начальник уезда считал, что между двумя «столицами» – 2 дня пути, а племенные вожди оценивали путь от «столицы» правителя «государства воды» до границ «государства огня» в трое суток. Следует отметить, что племенные вожди всегда передвигались медленнее, чем начальник уезда.

Описание столицы «государства воды» Матом и Ке в общем совпало с тем, которое ранее представил начальник уезда Лиет. Долинное поселение из сотни домов в горной местности не имело укреплений (стен и рвов), правитель жил в доме, состоящем из семи отсеков, а рядом с местом его обитания, к востоку, жили простые крестьяне. Следует отметить, что в позднейших описаниях семь отсеков дома правителя, очевидно, трансформировались в семь башен (см. ниже). Численность прислуги, домочадцев и рабов, по описаниям Мата и Ке, приблизительно совпадала с данными, приводимыми начальником уезда Лиетом: у первых – 14-15, у второго – около 20.

Значительно отличалось, по сообщению племенных вождей и начальника уезда, расположение места поклонения духу. Из описания Мата и Ке следовало, что «ярус, где совершается поклонение духу», был сделан в том же «соломенном доме из семи отсеков», где жил правитель «государства воды». И это, по мнению, Мата и Ке, было чуть ли не единственным отличием «государства воды» от «государства огня», в котором «всё было в общем похоже на то, что было в государстве воды, только лишь был сделан отдельный храм, где существовало место поклонения духу» (см. выше). Начальник же уезда Лиет совершенно определённо говорит о том, что в «государстве воды» «глава государства сделал недалеко от своего дома храм для молений» (см. выше). Другим отличием, но уже внешнего порядка, по мнению Мата и Ке, было расположение двух «государств»: если «государство воды» окружали «с трёх сторон – горы, с одной стороны – долина», то в «государстве огня» «земля везде была ровная и широкая, не было рек и гор, которые препятствовали [доступу в это место]» (см. выше). Эти сведения, как и иные сведения экономического, социального и политического характера, сообщённые племенными вождями, в целом совпадают с данными начальника уезда Лиета.

По сообщению Мата и Ке, два вождя – якобы, правители «государства воды» и «государства огня» – никогда не видят друг друга, ибо в противном случае – один из них умирает. Передача власти у этих «правителей» носит матрилинейный характер: внуку или племяннику со стороны матери (см. выше), что было удивительно как для кхмеров, так и для вьетнамцев. Эти сведения частично со всем согласуются, а частично – противоречат тем данным, которые попали в знаменитую книгу Джеймса Джорджа Фрезера «Золотая ветвь»: «В глухих лесах Камбоджи обитали два таинственных

повелителя, известных как Царь Огня и Царь Воды. ...они ...поддерживали постоянную связь с королем Камбоджи, который из года в год обменивался с ними подарками. Выполняемые ими царские функции – чисто духовного или мистического порядка. У них нет никакой политической власти. Согласно одному сообщению, они живут в абсолютном одиночестве, не видя человеческого лица, и никогда не встречаясь друг с другом. Живут они попеременно в семи башнях, расположенных на семи горах, и каждый год переходят из одной башни в другую. Люди украдкой подбираются и оставляют в пределах досягаемости всё необходимое для их существования. Их царствование длится семь лет – время, необходимое для того, чтобы пожить во всех семи башнях. Но многие умирают до окончания срока.

Должности Царя Огня и Царя Воды являются наследственными в одной, а по другим сообщениям, в двух семьях царской крови, которые пользуются большим почётом. Они получают постоянное содержание и освобождаются от необходимости возделывать землю. Нельзя, однако, сказать, чтобы этого звания страстно домогались; когда место освобождается, все кандидаты (они должны быть крепкого сложения и иметь детей) убегают и прячутся. Другой источник, также признавая нежелание наследственных кандидатов принять корону, не подтверждает сведения об отшельническом заточении царей в семи башнях. Он свидетельствует о том, как народ простирается ниц перед мистическими царями, когда они появляются в обществе, ибо в противном случае, по поверью, над страной разразится страшный ураган. Подобно многим другим священным царям, ... Царям Огня и Воды не позволяют умереть естественной смертью, так как это подорвало бы их репутацию. Убедившись, что состояние царя безнадежно, его убивают ударом кинжала. Тело сжигают, а пепел благочестиво собирают и на пять лет делают объектом публичного поклонения. Часть пепла отдают жене, и та хранит его в урне; урну она носит на спине, когда отправляется плакать на могилу мужа.

Рассказывают, что самый влиятельный из двух царей (Царь Огня), чьи сверхъестественные способности не ставятся под сомнение, совершает богослужения на свадьбах и праздниках и приносит жертвы в честь Йан, то есть духа. В таких случаях, ему отводится специальное место: путь, по которому он идёт, устилается белыми хлопчатобумажными тканями...

Тела обоих мистических монархов, в противоположность обычаю страны, не зарывают в землю, а сжигают, но их ногти, а также часть зубов и костей благочестиво хранят как реликвии. В то время как труп сгорает на погребальном костре, родственники покойного колдуна убегают в лес и там прячутся в страхе, что их возведут на завидную должность, которая только что освободилась. Люди пускаются на поиски, и первый, чьё укрытие они обнаружат, становится Царём Огня или Воды» [2, с. 108–109].

Постоянная связь правителей зяраев с камбоджийским королём полностью подтверждается источниками. Однако утверждение Фрезера об отсутствии у них политической власти достаточно спорно. Я уже упоминал о примитивном «налогообложении» в зярайском вожестве – полюдьё, время от времени предпринимаемом правителем. Ш. Тринке также отметил наличие примитивной политической власти у зяраев, особенно в «государстве

огня»: «король огня («патаи пуи» на языке джараев) имел семь „министров“. Он назначал наследника, обычно, своего зятя. Министры короля, объезжая на слонах деревни, собирали налог, который выражался в поставке буйволов. Король получал десятую долю сборов, остальное делили „министры“ и зять-наследник... Король имел военную власть, по его приказу при французском наступлении (правда, следует отметить, что это наступление происходило через несколько десятилетий после контактов зяраев с вьетнамской администрацией в Камбодже на рубеже 30–40 гг. XIX в. – *А.Р.*) эвакуировались деревни, велись военные действия» [13, с. 193].

Правда тот же Ш. Тринке отмечает, что «сам король усердно трудился в поле „для примера поданным“» [13, с. 193], но по всей видимости, такой «примерный» труд носил ритуальный характер, нечто вроде «обряда первой борозды» в Китае и Вьетнаме. Напомним, что Фрезер писал об «одной, а по другим источникам... двух семьях царской крови, которые пользуются большим почётом. Они получают постоянное содержание и освобождаются от необходимости возделывать землю» [2, с. 109]. Таким образом, выделялась знать, возглавляемая вождём-правителем, которая пользовалась в своих интересах результатами редиистрибуции и имела право не заниматься физическим трудом. По мнению Ш. Тринке, политические функции правителя «государства воды» были более слабыми: «у джараев камбоджийской стороны был король воды («патао я»), с более слабой властью и авторитетом» [13, с. 193].

Сакральное одиночество и ритуальный запрет на прямые контакты правителей зяраев со своими «поданными», отмеченные Фрезером, подтверждаются наблюдениями французского чиновника М.Л. Лавалле, прошедшего в самом конце XIX в. по горным плато Восточного Индокитая: «Короли, по-видимому, являются представителями того же этнического слоя, что и народ. Когда они идут, то покашливают, чтобы люди успели спрятаться. Они пользуются необычными привилегиями, но их авторитет ограничен несколькими деревнями» [6, с. 303–304]. Хроника ДНТЛ свидетельствует о ритуальном запрете лицецерения правителей зяраев: «Всякий раз, когда глава *шока* (селения. – *А.Р.*) собственной персоной приходит [к людям], они все падают ниц, низко кланяются, сгибаются до земли, не осмеливаются смотреть прямо на него, поскольку в соответствии с народными обычаями очень уважают духов [этих колдунов]» [5, т. 22, с. 117].

Необходимо устранить возникающее в связи с этим противоречие. С одной стороны, существует, как это отмечают все источники, строгий запрет на лицецерение зярайских правителей. С другой стороны, как это зафиксировано Фрезером, «царь огня, пользующийся большим влиянием, чем царь воды, присутствует на свадьбах, празднествах или жертвоприношениях» (см. выше). Это дало возможность первому исследователю быта и мифологии зяраев в нашей стране – Я.В. Чеснову, заключить: «Фрезер ошибался... в некоторых частностях. Например, противоречиво его указание на то, что царей никто не видит, и то, что они участвуют на празднествах» [3, с. 80.].

Это утверждение не кажется мне полностью обоснованным. Сопоставляя все имеющиеся у нас сведения о поведении правителей «государств»

«воды» и «огня», можно заключить, что время в зярайском обществе, по-видимому, делилось на «сакральное» и «профанное». В профанное время простые зяраи действительно не могли видеть своих сакральных правителей, но на «свадьбах, празднествах или жертвоприношениях», то есть, в сакральных местах, где, как пишет сам Фрезер, «самый влиятельный из двух царей (Царь Огня), чьи сверхъестественные способности не ставятся под сомнение, совершает богослужения на свадьбах и праздниках и приносит жертвы в честь Йан, то есть духа... ему отводится специальное место: путь, по которому он идёт, устилается белыми хлопчатобумажными тканями» [2, с. 109], – там действовало сакральное время, в течение которого крестьяне приобщались к таинствам и запретным для не-зяраев церемониям. Вспомним, что, по свидетельству Мата и Ке, зяраи «не разрешили им увидеть (ритуал жертвоприношения. – *А.Р.*)».

Что же касается проживания правителей зяраев, как пишет Фрезер, «попеременно в семи башнях, расположенных на семи горах», когда они «каждый год переходят из одной башни в другую», то в этом отношении можно согласиться мнением Я.В. Чеснова: «Относительно башен, в которых жили короли, с уверенностью можно сказать, что на этом представлении сказалось присутствие на горных плато древних чамских башен, сами же джараи никогда не строили таких башен» [2, с. 80.]. Об этом прямо свидетельствует Ш. Тринке, когда пишет о вожде «государства огня»: «Жил он отдельно в трёх домах: своём, сына либо специальном доме для хранения меча. В последнем доме кроме меча находилась калемба и несколько амулетов» [13, с. 193]. Сам Фрезер ссылается на «другой источник», который «не подтверждает сведений об отшельническом заточении царей в семи башнях». Возможно, «большой дом» правителя из «семи отсеков» трансформировался в передаче различных информаторов в семь «чамских» башен, к правителям которых соседние народы, например, вьетнамцы, возводили происхождение первых зярайских правителей. Напомним, что согласно Ш. Тринке, «король огня ... имел семь „министров“» [13, с. 193]. Возможно, каждый из таких «министров» был ответственным за каждый из упомянутых «отсеков» большого дома правителя. В таком случае такие отсеки, вероятно, играли роль примитивных «ведомств».

В связи с максимальным семилетним сроком пребывания у власти зярайских вождей Фрезер рассматривает вопрос о передаче этой власти. При этом он упоминает о двух вариантах, которые можно условно назвать «нейтральным» и «насилованным».

При первом варианте, «когда место освобождается, все кандидаты (они должны быть крепкого сложения и иметь детей), убегают и прячутся». В этом случае Фрезер не называет причину того, что «наследники» вождя «убегают и прячутся», ничего не говорит об убийстве престарелого правителя, но косвенно можно сделать вывод о печальной участи его будущих наследников. Во втором случае Фрезер совершенно определён. Ссылаясь на «другой источник», он утверждает: «...Царям „воды“ и „огня“ не позволяют умереть собственной смертью, так как это подорвало бы их репутацию. Убедившись, что состояние царя безнадежно, его убивают ударом кинжала. Тело сжигают, а пепел благочестиво собирают и на

пять лет делают объектом публичного поклонения. Часть пепла отдают жене, и та хранит его в урне; урну она носит на спине, когда отправляется плакать на могилу мужа» [2, с. 109]. О насильственном устранении от власти правителей зяраев пишет также и М.А. Лавалле (возможно, впрочем, что именно его материал, хотя и с некоторыми изменениями, приводит Фрезер, ссылаясь на «другой источник»): «Они не должны умирать естественной смертью, что подорвало бы их престиж. Когда король болен, старейшины держат совет и, если нет надежды на выздоровление, убивают короля копьем. Его труп сжигают...» [6, с. 303–304]. Напротив, Ш. Тринке отнюдь не подтверждает насильственного устранения престарелого правителя, и считает, что король огня сам «назначал наследника». [13, с. 193] Об отсутствии ритуального убийства старого вождя свидетельствует и вьетнамская хроника ДНТЛ [5, т. 22, с. 118].

Всё это свидетельствует о том, что наряду с процедурой ритуального убийства потерявших силы престарелых зярайских теократических вождей, внимание на которой концентрирует Фрезер и которой он собственно и посвятил большую часть своей блестящей книги «Золотая ветвь», вероятно, существовали и другие варианты передачи «царско-жреческой» власти, иногда – совершенно бескровные, имеющие своей предпосылкой естественную смерть старого вождя.

Относительно того, кому передавалась эта власть, существуют разные точки зрения. Только Фрезер приводит две: «должности Царя Огня и Царя Воды являются наследственными в одной, а по другим сообщениям, в двух семьях царской крови, которые пользуются большим почётом»; при этом «все кандидаты... должны быть крепкого сложения и иметь детей» [2, с. 109.].

Наиболее подробно описывает три варианта процедуры наследования М.А. Лавалле: «Наследников короля ищут по женской линии в его семье. Выборы делаются одним из трёх способов. 1. Родственников короля ищут в лесу. Правый найденный становился наследником. 2. Выборы голосами стариков. 3. Ночью в общинный дом, где спят юноши, входит старик и говорит: „Кто будет великим жрецом?“ Один из спящих по велению духа отвечает. Второй способ практикуется чаще. Короля огня выбирают в семье Сеу, короля воды – в семье Рочам» [6, с. 303–304]. Ш. Тринке считал, что «король огня» сам «назначал наследника», при этом – «обычно своего зятя» [13, с. 193]. Скорее всего, правда, наследником становился не сам зять, а сын дочери, то есть внук, ибо наследственный статус передавался у зяраев по женской линии, а зять становился чем-то вроде регента при своём сыне. Об этом же свидетельствует и вьетнамская хроника ДНТЛ: «Когда глава государства становится старым, то передаёт трон внуку или племяннику со стороны матери, но никогда не передаёт трон сыну, они (местные жители. – *A.P.*) говорят, что если передать трон сыну, то не будет удачи» [5, т. 22, с. 118].

Всё это свидетельствует о том, что выборы наследника теократического вождя производились различными способами. Обязательным было лишь одно – наследование по женской линии, что подтверждается всеми источниками, в том числе и хроникой ДНТЛ.

Рассмотрим теперь вопрос о священных талисманах – реликвиях в «государствах» правителей «воды» и «огня». Для этого следует прежде всего вновь обратиться к Фрезеру: «Причина, по которой царский титул удерживается в пределах одной семьи, заключается в том, что семья эта владеет знаменитыми талисманами, которые потеряли бы эту силу или исчезли, если бы вышли за пределы этой семьи. Талисманов этих три: плод ползучего растения, называемого Куи, – его сорвали во время наводнения, и спустя несколько лет он был всё ещё свежим и зелёным; пальма-ротанг тоже очень старая, но украшенная неувядающими цветами; и наконец меч, содержащий в себе Йан, или духа, который постоянно охраняет его и совершает им чудеса. Говорят, что это дух раба, чья кровь случайно попала на лезвие клинка, когда его выковывали, и который, чтобы искупить невольный проступок, умер добровольной смертью. С помощью первых двух талисманов Царь Воды может поднять её уровень настолько, что она затопит всю землю. Если Царь Огня на несколько дюймов вынет из ножен магический меч, солнце скроется, а люди и звери погрузятся в глубокий сон; если же он совсем выхватит меч из ножен, то наступит конец света. Чтобы получить дождь, этому чудесному мечу приносят в жертву быков, свиней, кур и уток. Его хранят завёрнутым в хлопчатобумажные и шёлковые материи; в числе подарков, которые ежегодно посылает король Камбоджи, имеются богатые покровы для священного меча» [2, с. 109]. О «специальном доме для хранения священного меча» сообщает Ш. Тринке, когда описывает владения «короля огня» [13, с. 193].

Сопоставление имеющихся сведений даёт возможность заключить, что наиболее священными предметами в «государстве» «правителя огня» был священный меч, упоминаемый во всех источниках, а в «государстве» «правителя воды» – стебель индийского тростинка (ротанга), наличие которого подтверждается хроникой ДНТЛ. Что же касается «плода одного вьющегося растения, называвшегося Куи», то его упоминает только Фрезер. С этим плодом «вьющегося растения» можно связать один из элементов близкого к зяряам мифа малочисленного народа *раде*, записанный Г. Бертраном. В этом мифе, повествующем о борьбе горных народов, прежде всего зяраев и их этнического подразделения – *бих*, «менее смелые, но более красивые» женщины потерпевших поражение в этой борьбе *бих*, «...стали плакать и превратились в водные цветы. По этой причине среди *бих* стало мало красивых женщин» [4, с. 141–147]. Как и у Фрезера, относившего «плод одного вьющегося растения, называвшегося Куи» к «государству» воды, «женщины-цветы» *бих* также связывались со стихией воды.

Наконец, следует выяснить смысл сообщения во вьетнамской хронике ДНТЛ о том, что «в государстве воды имеются два камня». Ни в одном источнике об этом более не упоминается. Однако, как зафиксировано в китайских литературных памятниках VI–VII вв. существует легенда о попавшем в плен к «варварам» китайце по имени Вен, поймавшем двух карпов, ставших двумя камнями, превратившихся затем в два куска железа, из которых, наш герой выковал два меча, с чьей помощью он расколол скалу и после множества событий стал чамским королем Фань Веном (336–349; см. [9, с. 336–341]). Таким образом в мифологии родственных зярайским пле-

менам *чамов* существует тесная и естественная связь камня с водной стихией, а точнее – с рыбами. В то же время камень и меч в представлениях *чамов* и известной мере выступают в качестве антагонистов: только с помощью человека выковываются из превратившихся в железо камней мечи, которыми Фань Вен раскалывает камень-скалу. Учитывая эту тесную связь в мифологии индонезийских народов Восточного Индокитая камня со стихией воды, можно с доверием отнестись к сообщению вьетнамской хроники ДНТЛ о поклонении в «государстве воды» двум камням.

Однако, всех вновь поступивших сведений о «государствах» «воды» и «огня» престарелому вьетнамскому императору оказалось мало. Приняв полученную информацию, Нгуен Тхань То, решил не останавливаться на достигнутом: «В настоящее время государство находится в спокойствии, следует подвергнуть всесторонним опросам и тщательным разысканиям относительно гор и рек, обычаев и нравов во всех странах, которые с четырёх сторон окружают [нашу страну] для того, чтобы составить книгу „Обширное описание Великого спокойствия“. Кроме того, в эти страны, расположенные на юго-западе, дорога не дальняя, разве мы поскупимся послать разок [людей], чтобы выяснить всё достоверно, дабы расширить наши познания [в сфере географии]. Поэтому приказываем послать какого-нибудь чиновника, исполняющего обязанности в подчинённой территории (захваченной Камбодже. – *А.Р.*), вместе с людьми, знающими дорогу, [местным вождем] Матом и переводчиком, поручив им найти и приобрести предметы, которые нравятся тем людям (населению «государства огня» и «государства воды». – *А.Р.*), и передать в качестве предметов, которыми награждает военачальник.

Когда [посланный чиновник с проводниками и переводчиком] будут говорить с главой государства, то они должны сказать ему следующее: „Авторитет и добродетели императорского двора (в Хюэ. – *А.Р.*) распространяются до самых отдалённых пределов, со всех сторон [вассалы] приходят на императорскую аудиенцию, дабы выказать свое повиновение, так и [послы] государства огня также прибыли с изъявлением своих искренних чувств и принесли дань, давая Нам возможность во многом рассчитывать на них. Эта страна («государство воды». – *А.Р.*) и государство огня примыкают друг к другу, но с давних времён отгораживается от нас, («государство воды») не прошло по пути, ведущему к принесению дани. Теперь же, если («государство воды») пошлёт посла с выражением почтения, то разве императорский двор не удостоит его за это похвалы и признания? Посмотрите, каковы их намерения. Если они не хотят [посылать послов], то не следует принуждать их к этому. Кстати, в соответствии с обстоятельствами, выведите всё, от ландшафта (расположения гор и рек) и границ до обычаев, нравов и манеры поведения местного населения, по каждому пункту сделайте записи и представьте их, сразу же составьте доклад на имя императора, дабы можно было точно знать ситуацию» [5, т. 22, с. 119].

Из этого можно заключить, что Нгуен Тхань То несмотря на заверения послов, посетивших Хюэ в 11 месяце 1837 г. и представивших себя в качестве посланцев «государства воды», упорно продолжал считать, что он имел дело исключительно с людьми из «государства огня». Император не

поверил послам 1837 года и нетерпеливо настаивал на посещении Хюэ посольством «государства воды». Вскоре в покорённой Камбодже началось настоящее антивьетнамское восстание и к вопросу о «государстве воды», как впрочем, и «государстве огня» Тхань То больше не возвращался. Он так и умер в неведении. При его жизни посольство «государства воды» так и не прибыло в Хюэ.

В конце 1840 г. место могущественного императора Нгуен Тхань То занял слабовольный и не совсем здоровый сын Нгуен Хиен То. В 3-м месяце 1841 г. при новом императоре был снова поднят вопрос о «государстве воды» и «государстве огня». При этом точка зрения «императорского правительства» на эти два «государства» была вновь пересмотрена. Во-первых, сведения о «государстве воды» и «государстве огня», зафиксированные в ДНТЛ в 1751 г. были несколько скорректированы. Теперь при локализации «государств» правителя воды и правителя огня фиксировалось не то, что он располагаются «над» («сверху», «выше») «государством» Намбан (Намфан), образовавшемся после разгрома императором Ле Тхань Тонгом в 1471 г. Чампы» [5, т. 1, с. 214.], а что «два эти государства в давние времена [сами] назывались Намбан, являлись ветвью Чампы, Ле Тхань Тон нанёс поражение Чампе, повелел наследникам правителя этой страны называть [её] Намбан, расположена (Намбан. – *А.Р.*) к западу от горы Тхатъби» [5, т. 23, с. 145].

Кроме того, было пересмотрено взаимное расположение «государства воды» и «государства огня» относительно друг друга.

По новым данным, зафиксированным в хронике ДНТЛ её составителями и редакторами, «„государство воды“ на западе граничит с „государством огня“, на востоке граничит с крепостью Фукшон в провинции Фуиен и с варварами, вносящими налоги в Тхатътхань (вьетнамский административный район, населённый горскими малыми народами. – *А.Р.*), на севере граничит с ещё не подчинившимися [вьетнамскому правительству в Хюэ] варварами Биньдиня (бывшая провинция Кюиньон); „государство огня“ на востоке граничит с „государством воды“, на западе граничит с землёй Шонфу в *тхани* (области) Чантай (покорённой вьетнамцами Камбодже), на севере граничит с варварами, племена которых точно установлены. Когда наша династия (династия Нгуенов. – *А.Р.*) ещё только начала создавать государство (т.е., до 1802 г. – *А.Р.*), постоянно каждые пять лет один раз присылали послов с данью местными предметами. [Послы] „государства огня“ никогда самостоятельно не приезжали, присоединяли [дань] к [дарам] „государства воды“. Всё, чем наша страна одаривала их, они передавали по наследству, считая ценными предметами, которыми пользуются из поколение в поколение. В начале эры правления под девизом Зялаунг (1802–1819) послы этого государства (т.е. „государства воды“. – *А.Р.*) приехали в Фуиен, их очень щедро одарили, а затем повелели им вернуться в свою страну. Затем, в связи с тем, что в этой стране было неспокойно, не посылали посла с данью. Только в 12 г. эры правления под девизом Миньмень (1831 г.) посольство государства воды прибыло с данью, (но) переводчик ошибочно сказал, что [прибыло посольство] от „государства огня“, императорский двор (в Хюэ. – *А.Р.*) поверил этому [заявлению] и решил, что это было

[действительно] „государство огня“. Теперь же провинциальные чиновники Фуиена, Ле Кхием Куанг и Нгуен Ван Ли, повинувшись императорскому приказу, поручили людям поехать прямо в эту страну, чётко расспросить [и выяснить] ситуацию, а затем подали доклад на имя императора. Затем следует содержание доклада императору: „Государство воды“ уже приблизительно 20 лет входит в разряд субъектов, „государство огня“ также уже давно восхищается добродетелями государя императора, но не может самостоятельно прислать (послов данью. – *А.Р.*). Глава этого „государства“ по имени Ма Тхат хочет присоединять [свою дань] к [дани] „государства воды“ и совместно с ним преподносить ритуальную дань, как это и происходило по старым правилам» [5, т. 23, с. 145–146].

Таким образом, только после смерти императора Нгуен Тхань То чиновники осмелились признать допущенную ранее ошибку в названии «государств» «воды» и «огня» и признать, что в течение долгого времени они имели дело с послами не «государства огня», а «государства воды». На это император Нгуен Хиен То высказал следующее суждение: «Наш покойный отец-император обладал обширнейшим авторитетом и добродетелями. Не было ни одного человека с отдалённых границ и окраинных мест, кто не хотел бы принести ритуальную дань на императорский двор, выразить свои чувства почтения вышестоящему. [„Государство] воды“ и [„государство] огня“ – по сути своей – это два „государства“, „государство огня“ – маленькое и расположено далеко, „государство воды“ – находится близко и, к тому же, большое; в прошлые годы при внесении ритуальной дани говорили, что это – „государство огня“, а не говорили, что это „государство воды“. [Однако] наш покойный отец император, чрезвычайно мудрый и проникательный, засомневался, понимая, что всё происходящее обусловлено своими причинами: поэтому он начал с того, что поручил [разобраться с путаницей] чиновникам *тхани* (области) Чантай (покорённой и захваченной Камбоджи. – *А.Р.*), а затем – чиновникам провинции Фуиен.

Осенью 1840 года поручили чиновникам *тхани* Чантай и провинции Фуиен приказать людям поехать и расспросить об обстановке в „государстве воды“, всё выспросить и выяснить, главное – сделать так, чтобы была точно известна ситуация; в настоящее время совершенно очевидно, что всё происходило именно таким образом. Поэтому поручаем Ведомству обрядов всё тщательно обсудить и оценить, если произошла ошибка, то исправить так, чтобы всё было правильно: какое „государство“ будет преподносить дань, то „государство“ и следует представлять в соответствии с его названием. Что же касается совместного преподнесения дани и отправки послов один раз в три года, то в соответствии с желаниями людей, живущих в отдалении, разрешаю удовлетворить их искренние чувства. Когда этот императорский приказ дошёл до „государства воды“ и „государства огня“, то в обоих „государствах“ очень обрадовались, просили разрешить им в 6-ом месяце послать послов в столицу (один посол – с ритуальными подношениями благовоний, один посол – с поздравлениями по поводу вступления императора [Нгуен Хиен То] на трон). Император одобрил просьбу „государства воды“ и „государства огня“. Затем были

предоставлены главе государства огня Ма Тхату (вьетнамская. – *A.P.*) фамилия Кыу и (вьетнамское. – *A.P.*) имя Лай, дабы показать, что теперь он будет следовать новому приказу (теперь у него новая судьба. – *A.P.*). Кроме того, посланцев из провинции Фуиен – Нгуен Ван Куиена и Данг Ван Хоата – наградить по разрядам. С этого времени два „государства“ – „воды“ и „огня“ – стали присылать ритуальную дань совместно друг с другом» [5, т. 23, с. 145–146].

Так закончились многолетние перипетии взаимоотношений вьетнамского двора и двух зярайских вожеств (чифдомов). В этих взаимоотношениях проявились ритуальные гегемонистские претензии и учёт реальной политической ситуации двора Хюэ, с одной стороны, и чрезвычайно осторожная позиция двух зярайских «протогосударств», боявшихся не только военной мощи Вьетнама, но и опасного культурно-магического воздействия со стороны восточного соседа – супердержавы ЮВА.

Примечания

¹ Правда, А. Метр считает, что впервые «короли джараев (правильнее – зяраев) стали вассалами вьетнамских императоров» в 1558 г. [4; 430]. Однако во вьетнамских источниках о посольствах «королей джараев» в это время сведений нет. Возможно, дата начала вассалитета «королей джараев», по А. Метру, не случайно совпадает с датой образования южновьетнамского княжества Дангчаунг: как только Нгуен Ким обосновался в Тхуанхоа – тут же «короли джараев» стали «заочно» считать себя вассалами дома Нгуенов. Однако, никакого посольства они в 1558 г. не присылали. Кроме того, «короли джараев» считали себя вассалами *тuoа* (военных правителей) Нгуенов, управлявших Дангчаунгом в Хюэ, а не «вьетнамских императоров» (по А. Метру), которые номинально правили на севере в Тханглаунге и никогда не принимали посольств правителей «государств» «воды» и «огня».

² 1 ланг = 37,3 г.

Литература

1. *Рябинин А.Л.* Рождение империи Нгуенов. М., 1988.
2. *Фрезер Дж.* Золотая ветвь. М., 1983.
3. *Чеснов Я.В.* Миф о мече и начало государственности в восточном Индокитае // Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. М., 1970. С. 73–98.
4. *Bertrand G.* Le peuple de la jungle Hommes betes et legendes du pays moi. Paris, 1952.
5. Dai Nam Thuc Luc. Hanoi, 1962–1978. Т. 1–38.
6. *Lavallee M.A.* Note ethnographique sur divers tribus // Bulletin de l'École Française d'Extreme – Oriente (BEFEO). Т. I. 1901.
7. *Leclere A.* La charte de fondation du monastere de Sambok // Compte rendu de l'Academie des Inscription de Belle Lettre. Paris, 1903.
8. *Maitre H.* Les jungles moi. Paris, 1912.
9. *Maspero G.* Le royaume du Champa // Toung Pao. Т. XI. 1910. Pp. 125–136.
10. *Meyer Ch.* Les mysterieuses relation entre les rois du Cambodge et les «Potao» des jarai // Etudes Cambodgienne. 1965, №4.
11. *Moura J.* Le Royaume du Cambodge. Т. I. Paris, 1883.

12. *Poree-Maspero E.* Etude sur les rites agraires de cambodgiens. T. I. Paris, 1962.
13. *Trinquet Ch.* Note sur la tribue de jarai // Revue Indochinoise. T. VI. 1906.